

ШВЕД В. И.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ТЕКСТООБРАЗОВАНИЕ

(На материале современного немецкого языка)

Становление и развитие теории словообразования в германистике проходило в основном под знаком описательного, таксономического подхода к исследованию явлений словообразования. Главным, а порой и единственным объектом этой лингвистической дисциплины признавалась система словообразовательных средств, способов и моделей, релевантных на синхронном уровне анализа. В результате такого подхода получены ценные данные относительно принципов структурно-семантической организации, основных единиц словообразования и закономерностей словопроизводства, осуществлено моделирование словообразовательных систем [1—3]. Накоплен значительный фактический материал, достигнут такой уровень описания, который дает возможность перейти к качественно новому этапу словообразовательного анализа — изучению закономерностей и особенностей использования системы словообразовательных средств и моделей в тексте. В настоящее время объектом исследования становятся процессы функционирования, реализации в речи выделенных и классифицированных единиц словообразования, что предполагает соотнесение словообразовательного анализа с текстообразовательным. Именно текст отражает процессы отбора, сочетания, употребления языковых, в том числе и словообразовательных, средств, сложившихся в определенных исторических и общественных условиях. Текст является основным языковым элементом коммуникации в отличие от других единиц языка — слов, предложений и т. д., т. е. элементов системы языка [4].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать место и роль словообразования в осуществлении речевой коммуникации и особенности его функционирования в текстах.

Среди многих определений текста наиболее удачным для целей данного исследования представляется определение Э. Агриколы, согласно которому текст — это языковой комплекс, образованный по правилам грамматики, создающий содержательно законченную, протяженную, конечную, интегрированную и упорядоченную последовательность предложений, которые обеспечивают линейное развертывание темы [5]. Во-первых, данное определение дает возможность исследовать текст в динамике его порождения, проникнуть в механизм процессов построения текста, во-вторых, оно ставит на повестку дня вопрос о языковых средствах и способах развертывания текста; в-третьих, тезис о смысловом опорном пункте текста подкрепляется данными психолингвистических исследований и экспериментов [6—8], и, наконец, оно максимально ориентировано на структуру речемыслительных (коммуникативных) процессов языкового общения, носит динамический характер в противовес статическому пониманию текста как застывшего продукта речевой деятельности. Представляется возможным дополнить данное определение лишь одним, на наш взгляд, существенным положением о связности: как бы ни различались между собой отдельные подходы к изучению проблем текста, по одному вопросу в них наблюдается абсолютное единство взглядов — текст не мыслим вне связности [9].

Исходя из изложенного выше понимания текста при анализе фактического материала мы различаем три основных функции словообразовательных средств, способов и моделей, реализующихся в процессах коммуника-

ции: а) функцию тематической организации высказывания/текста; б) функцию обеспечения связности (когезии) речи; в) стилистико-композиционную функцию (способность употребляться в качестве стилистического или композиционного приема построения речевого высказывания).

Тематическое развертывание текста заключается в раскрытии содержания, детализации, конкретизации, объяснении понятий, образующих основное содержание высказывания [10]. Отвлеченный комплексный характер значения словообразовательных единиц, семантико-функциональная корреляция большинства производных слов с синтаксическими структурами [11, 12] обуславливают возможность употребления вторичных (производных) наименований в качестве названий «микротем» речевого высказывания. В таких случаях значение «микротемы» раскрывается содержанием последующего речевого отрезка (фразы, логического единства, абзаца), а иногда и всего текста (тогда словообразовательная единица служит обозначением «гипертемы» [13] текста). При этом следует различать две основные разновидности употребления производных слов в функции обозначения микротем или гипертем текста.

1) Производное слово находится в препозиции к последующему отрезку высказывания, предваряет его содержание, «задает» основное направление дальнейшего изложения. Значение производного слова служит исходным пунктом при дальнейшем развитии мысли и одновременно является планом (проспектом) изложения, реализующимся в ходе построения, развертывания текста, ср.: «Mit diesen Gedanken macht sie (Anna) sich auf den Spritzenweg. Den nennt sie so, weil sie jeden Tag ein paar Leute im Dorf mit Injektionen versorgen muß...» [«Neue Deutsche Literatur» (далее — NDL), 1979, 7]. Все последующее содержание абзаца раскрывает, уточняет микротему, выраженную сложным словом *der Spritzenweg*. «Ein Selbständiger steht selbst da. Jeder steht selbst da, wenn er stehen gelernt hat. Aber der Selbständige steht besser, steht sicherer, steht schöner, auffälliger und unerschütterlicher da als nur ein gewöhnlicher, nicht selbständiger, sondern nur selbstehender Mann» (NDL, 1978, 9). Производное слово *der Selbständige*, возникшее в результате субстантивации наречия *selbständig*, является микротемой приведенного выше логического единства, все содержание которого направлено на объяснение, описание значения понятия *der Selbständige*.

Часто встречаются случаи, когда производное слово употребляется для обозначения гипертемы высказывания (темы всего литературного произведения, текстовых единств высшего порядка: параграфов, разделов, глав). В таких случаях содержание параграфа, главы, художественного произведения как бы иллюстрирует значение производного слова, представляет собой линейное развертывание сложной смысловой структуры данного слова, исчерпывающее изложение его смысла, т. е. значения, вытекающего из данной конкретной ситуации, из контекста данного художественного произведения. Таковы, например, названия писем, адресованных писателем из ГДР Рихардом Кристофом своей дочери и опубликованных в виде новелл в журн. NDL, 1979, 3: *Regenbrief aus Havanna*, *Mondbrief aus Havanna*, *Sonnenbrief aus Havanna*, *Karnevalsbrief aus Havanna*. Окказиональные сложные слова *Regenbrief*, *Mondbrief*, *Sonnenbrief*, *Karnevalsbrief* осмысляются, наполняются конкретным содержанием на фоне всего соответствующего текста, адекватное декодирование их значения возможно лишь с опорой на общий семантический фон высказывания. В качестве аналогичных примеров можно привести названия романов «Die Vorstadtkindheit» К. Г. Перихта, «Klappersteine» Ю. Борхерта, «Die Krallenwurzel» П. Якубайта и др., стихотворений «Inselherbst» А. Раймана, «Unschlaf» Э. Арендта и др.

2) Производное слово употребляется в постпозиции по отношению к тому фрагменту высказывания, содержание которого оно заключает в себе. В таких случаях словообразовательная единица суммирует, резюмирует смысл предыдущего речевого отрезка, подводит итог изложению микротемы. Чаще всего для обозначения микротем, гипертем текстов или текстовых единств употребляются окказиональные производные слова со

сложной смысловой структурой, отчетливо выраженными смысловыми отношениями элементов внутри слова, с отдаленными значениями сочетающихся компонентов, что обуславливает сложность их однозначного толкования, синсемантию подобных лексических единиц. Их возникновение продиктовано в большинстве случаев потребностями коммуникации: замыслом автора, ситуацией общения, особенностями адресата, предметом сообщения, структурой языка. Подчеркнем, однако, что в данном случае выбор из ряда сходных по значению выразительных возможностей, имеющих внутри языка, происходит не на уровне «готовых» лексических единиц, а на уровне моделей, правил, закономерностей порождения этих единиц, сложившихся в языковом сознании отправителя информации, т. е. носит не селективный, а операциональный характер. Необычное, нестандартное по форме обозначение микротемы или темы всего речевого высказывания способствует ее выделению, запоминанию, заостряет на ней внимание адресата. Тем самым реализуется принцип построения речевой коммуникации, сформулированный М. Риффатером: «поскольку предсказуемость приводит к эллиптическому декодированию, важнейшие элементы должны быть непредсказуемыми» [14]. Словообразовательная единица в таких случаях превращается из слова-наименования в «слово-знак ситуации», благодаря диффузности и отвлеченности своего значения она «вбирает» в себя содержание целого фрагмента речевого высказывания (фразы, логического единства, абзаца, текста), выступая в качестве смыслового ядра этого высказывания, его темы. Причем чаще всего производное слово является не просто знаком, лексическим субститутотом определенной ситуации, но и отображает ее в образной форме, вызывает в памяти адресата высказывания о б р а з ситуации путем обозначения ее наиболее ярких, запоминающихся, существенных элементов или признаков. В таких случаях возможно дистантное расположение темы, выраженной производным словом, и речевого отрезка, который используется для ее развертывания. Словообразовательная единица наряду с функцией тематической организации текста выполняет связующую функцию и служит речевым сигналом замещаемой ситуации, ср.: «...Und weitere nie erlöschende Erinnerungszeichen sind das Apfelmus und der Apfelkuchen. Immer stand mittags vor Vaters und nur vor Vaters Platz ein Tellerchen mit Apfelmus und immer mußte abends ein Apfelkuchen für ihn bereitstehen... Diesen Apfelkuchen haben in einer früheren Epoche Grethes hungrige Kinderaugen sehr neidvoll betrachtet und in ihrer Erinnerung lebt Vater als ein harter und egoistischer Mann» (NDL, 1979, 6). В ходе дальнейшего сложения романа автор неоднократно употребляет окказиональные сложные слова *meine Apfelerinnerung*, *die Apfelkuchen-Gefühle*, которые соотносятся с соответствующей ситуацией. Тем самым находят свое подтверждение выводы А. А. Смирнова о том, что восприятие и членение текста осуществляется на основе его смыслового содержания, текст членится по темам, тематическим кускам, которые можно представить в виде своеобразной «смысловой точки», «смыслового пункта» [15]. На этой закономерности базируется употребление производных слов в качестве темы различных фрагментов содержания текста.

Более сложные отношения наблюдаются в тех случаях, когда словообразовательные единицы используются в целях структурно-семантической организации текста в целом. В качестве примера можно привести фельетон, опубликованный в журнале «Eulenspiegel» (1981, 50) под названием «Ein ganz besonderer Wasser-Fall», в котором речь идет о проблемах строительства фонтанов в городах ГДР. Ключевое понятие данного текста выражено лексемой *der Brunnen*. Данное понятие уточняется, конкретизируется рядом сложных определительных слов: *der Springbrunnen*, *der Tropfbrunnen*, *der Coudray-Brunnen*, *der Kurzzeitbrunnen*, *der Spiel- und Sprungbrunnen*, *der Mehrzweckbrunnen*, *der Jungbrunnen*, *der Mendebrunnen*, *der Trockenbrunnen*, *der Trinkbrunnen*, *der Schockbrunnen*, *der Gedächtnisbrunnen*, *der Spritzbrunnen*, *der Sitzbrunnen*. Приведенные сложные слова образуют единую семантическую цепочку, объединяющую текст, обеспечивающую его связность, и в то же время предстают в качестве мик-

ротем тех смысловых групп, логических единств, на которые членится весь текст.

Второй важнейшей коммуникативной функцией производных слов является осуществление ими связности содержания высказывания. Можно выделить два основных типа связности, конструируемой словообразовательными средствами. К первому относится связность *радиального* типа, когда производные слова связывают не непосредственно прилегающие части текста / высказывания, а смысловые единства в составе этого текста. В таких случаях, выступая тематическим центром логических единств текста, они соотносятся с темой текста, раскрывают, уточняют, конкретизируют ее в ходе изложения, образуя при этом относительно замкнутые тематические цепочки. Примером связности такого типа может послужить текст из газеты «Bauern-Echo» (1981, 80), в котором речь идет о «тестовых играх» (Testspiele) для пионеров. Весь текст расчленен на отдельные разделы, название каждого из которых выражено сложными словами, конкретизирующими гипертему текста «Testspiele»: *Orientierungstest, Reaktionstest, Tempotest, Sortiertest, Gleichgewichtstest, Morsetest, Konditionstest, Krafttest, Zieltest, Kopplungstest, Muttest*. Содержание разделов текста представляет собой речевое развертывание микротем, обозначенных приведенным выше рядом сложных слов. Аналогичный тип связности встречается, например, в эссе И. Эрпенбека о проблемах художественного творчества. Ключевым понятием одной из глав эссе является термин «Wertung». В процессе анализа данного понятия автор расчленяет его, выделяет разновидности данного понятия, обладающие известными специфическими свойствами, причем результат этого расчленения предстает в тексте в виде ряда определительных сложных слов со вторым компонентом- *wertung: die Eigenwertung, die Selbstwertung, die Formwertung, die Vorlagewertung, die Darstellungswertung*. Каждое из этих сложных слов выступает в качестве микротемы соответствующего логического единства, изложение главы представляет собой последовательное развертывание данных понятий, соотносящихся с темой всей главы.

Значительно чаще словообразовательные единицы употребляются в качестве средства межфразовой связи, реализуя связность *линейного* типа. В таких случаях непосредственно прилегающие части текста связываются друг с другом с помощью различных словообразовательных средств. Наиболее распространен анафорический тип линейной связи, когда словообразовательные единицы отчасти повторяют содержание предыдущей фразы, отсылают внимание адресата к смыслу предшествующего сегмента высказывания, ср.: «Zu jeder Kunst gehören zwei: *einer, der sie macht, und einer, der sie braucht. Dieses Gebrauchwerden und unser Wirkenwollen gehören untrennbar zusammen...*» (Neue Zeit, 1981, № 121); «*Ehrlich sein müßte sie (die Schulkameradin. — III. B.) sowieso. Ehrlichsein ist das Wichtigste*» (Temperamente, 1979, 2). Часто встречается также катафорический тип линейной связи, при котором производные слова предваряют изложение последующего отрезка высказывания, ср.: «*Die Jungen (Schnepfenvögel) sind Nestflüchter. Bereits wenige Stunden nach dem Schlüpfen verlassen sie das Nest und wachsen in der Umgebung heran*» (Neue Berliner Illustrierte, 1980, 37, Jg. 21). Отметим возможность осуществления дистантной связи между компонентами речевого высказывания при помощи словообразовательных средств, которая представляет собой разновидность линейной связи, т. к. замыкается рамками логического единства или абзаца, ср.: «*Sie (die Neger. — III. B.) bewegten sich zum Takt der Musik zwei Schritte nach rechts, zwei nach links, immer abwechselnd. Dabei kamen sie nur langsam vorwärts. Ihnen folgten vier mit an Stangen hängenden, bestickten Bannern. Wieder dahinter kam ein langer Zug, immer vier junge Männer nebeneinander, die machten außer ihren Rechts-Links-Schritten heftige Bewegungen mit dem Oberkörper und den Armen...*» (NDL, 1978, 10).

Элементы словообразовательной системы языка могут использоваться в процессах коммуникации в качестве стилистико-композиционных приемов построения текста. Здесь также имеет место прежде всего употребле-

ние окказиональных производных слов или таких вторичных наименований, которые осознаются в качестве членимых или конструируемых лексических единиц. При этом нередко наблюдается возникновение слов непосредственно в речи как результат актуализации сформировавшегося в языковом сознании динамического стереотипа, который сложился вследствие большого числа прошедших через память носителя языка слов, созданных по той или иной языковой модели. Окказиональное слово обладает семантическим эффектом новизны, заставляет почувствовать, ощутить внутреннюю форму лексической единицы, осмыслить способ ее образования, создает эффект присутствия адресата при построении лексической единицы. Употребление подобных производных слов приводит к активизации языкового восприятия. Диапазон функционирования окказиональных производных слов чрезвычайно широк, в одних случаях они служат исключительно выразительным (экспрессивным) целям, в других — создают сложный эстетический образ, способствуют достижению художественного замысла автора, в третьих — обслуживают установку на выражение чувств, настроений героя или автора произведения, т. е. реализуют «импрессиивную» функцию. Языковая форма в таких случаях становится объектом целенаправленного творческого поиска: целенаправленность отбора в свою очередь предполагает специальное отношение к средствам словообразования, обуславливает установку на языковую форму, на определенный способ передачи информации.

Одним из распространенных стилистических приемов, используемых авторами художественных и публицистических текстов, является «псевдомотивация» внутренней формы, поэтическая этимология, индивидуальное авторское прочтение смысловой структуры словообразовательной единицы. В таких случаях, как правило, используется мнимое или же угасшее в языковом сознании сходство сопоставляемых в тексте слов по корню [16, 17]. Ср.: «Nächte, in denen man mit müden Füßen läuft, sind überall die gleichen. Zumal wenn der Himmel *verhängen* ist und aus *diesem Verhängnis* Wasser niederschlägt» (Temperamente 1978, 2). В этом примере автор намеренно актуализирует в сознании адресата прямое (не существующее в языковой норме) значение производного слова *das Verhängnis* посредством указания на глагол *verhängen*, в результате чего создается двусмысленность, возможность двойного истолкования значения лексемы *das Verhängnis*. Возможно также авторское истолкование значения того или иного слова, авторское прочтение его смысла, иногда подкрепленное графическими средствами.

Довольно часто авторами текстов используется стилистический прием усиления звучания языковой внутренней формы производного слова, подчеркивания смысла, заключенного в нем. Данный эффект достигается либо противопоставлением одномодельных производных слов, часть из которых является в значительной степени лексикализированными единицами, а другая часть предстает в виде отчетливо членимых слов, либо графическими средствами, ср.: «Hier spricht nicht ein „Besser-Wisser“ sondern ein „Mehr-Wisser“ . . .» (NDL, 1979, 9).

Метафорическое словообразование также осуществляется в основном в процессах коммуникации. В основу мотивировки производного слова в таких случаях кладутся не логические взаимоотношения между его составными частями, а целостный авторский образ, ср.: «Das hätte ich nie vermutet... Da sieht man, wie irrig man einen Menschen einschätzt, habe dich immer für einen zu braven Bürger gehalten, *Krawattenbürger*». (NDL, 1978, 3); «Die beiden (Dr. Kalinowski und Dr. Slawinski. — III. B.) sind *Vollblutwissenschaftler* und *Vollblutpraktiker*...» (Freie Welt, 1981, № 7).

Анафорическое словообразование имеет место в тех случаях, когда в соответствии со структурно-семантической моделью, существующей в языке, вместе со стоящими рядом в речевом высказывании производными словами употребляется авторский неологизм (окказиональное производное слово). Ср.: «Es gilt sie (die Überzeugung. — III. B.) nicht nur *vorzutragen*, sondern auch *vorzuleben*...» (Neues Deutschland, 1981, N 58);

«Aber wenn man will, kann man sich an solch einem Stapel auch lange festhalten, festgucken, festlesen» (NDL, 1978, 9).

Особый интерес представляют случаи каламбурного словообразования, когда словообразовательные средства выполняют функцию выражения сугубо индивидуальной мысли, т. е. аффективного и эстетического содержания, реализуют стилистический прием комики и гротеска.

На основе анализа приведенных выше примеров можно сделать следующий вывод: окказиональные слова, авторские неологизмы, потенциальные производные слова с отчетливо членимой внутренней формой не возникают и не употребляются в тексте в результате языковой игры, как проба языкотворческих сил индивидуума, как искусство словесного творчества ради искусства, не являются результатом механической реализации словообразовательных закономерностей, правил, норм. Они образуются и функционируют в рамках связного целого, вытекают из него, обусловлены этим целым. Являясь неотъемлемой стилиевой чертой, стилистическим элементом текста, они несут на себе печать экспрессивности, необычности, приостанавливают автоматизм восприятия речи и нацелены на самовыражение или на личностное выражение [18]. Их употребление всегда имеет своей целью достижение частных коммуникативных задач автора высказывания по ходу развертывания основного тезиса, темы текста. Тем самым подтверждается вывод С. Ульмана о больших стилистических возможностях морфологической и семантической мотивации слов [19].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о роли и месте словообразовательных средств в композиционном развертывании текста.

Подводя итог изложенному выше, отметим следующее.

1. Общим для всех трех выделенных коммуникативных функций словообразовательных средств и моделей является то, что они основываются на объективных свойствах производных слов как особого типа языковых знаков. К числу этих свойств относятся членимость, воспроизводимость, реляционный характер значения, семантические корреляции с языковыми единицами других уровней, вхождение в различные структурно-семантические ряды противопоставлений [«корневое слово (производящая основа) — производное слово»; «производное слово — однокорневые производные слова», «производное слово — одномодельные производные слова»), абстрагирующий, обобщающий характер словообразовательной семантики, способность производных слов к семантическому развертыванию.

2. При «выходе» словообразовательного анализа в текст происходит своеобразная «переоценка ценностей»: главным объектом исследования становятся не лексикализованные или канонизированные производные слова, а потенциальные и окказиональные образования, авторские неологизмы или же такие словообразовательные единицы, которые, хотя и вошли в языковое употребление, воспринимаются как членимые, конструируемые.

3. Производные слова рассматриваются не в качестве готовых, данных в системе языка элементарных воспроизводимых «сгустков» содержания, а в качестве единиц, возникающих в процессе конструирования языкового содержания, осуществляющегося в ходе речевой деятельности для достижения частных коммуникативных целей.

4. Сказанное выше не только не исключает возможности использования старой формы с новым осмыслением, противопоставления лексикализованного и окказионального, а наоборот, предполагает эту возможность.

5. Словообразование в речевой деятельности следует рассматривать как одну из разновидностей коммуникативной номинации в целях осуществления речевой деятельности, в основе которой лежат динамические стереотипы словопроизводства, существующие в сознании носителей языка и отражающие сложившиеся в той или иной языковой системе структурно-семантические модели образования новых слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968.
2. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976.
3. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. München, 1969.
4. Колшанский Г. В. Текст как единица коммуникации.— В кн.: Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978.
5. Agricola E. Vom Text zum Thema.— In: Studia grammatica. XI. Berlin, 1976, S. 13.
6. Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М., 1966.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.— Л., 1934.
8. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
9. Кожеевникова Кв. Об аспектах связности в тексте как целом.— В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.
10. Daneš F. Functional sentence perspective and the organization of the text.— In: Papers on functional sentence perspective. Praha, 1974.
11. Степанова М. Д. К вопросу о семантических корреляциях синтаксических и словообразовательных структур.— В кн.: Проблемы синтаксической семантики: Материалы научной конференции. М., 1976.
12. Сахарный Л. В. Словообразование в речевой деятельности (Образование и функционирование производного слова в русском языке): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1980.
13. Daneš F. Zur semantischen and thematischen Struktur des Kommunikats.— In: Studia grammatica. XI. Berlin, 1976.
14. Риффатер М. Критерии стилистического анализа.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980, с. 73.
15. Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М., 1966, с. 175.
16. Schippan Th. Einführung in die Semasiologie. Leipzig, 1975, S. 60—61.
17. Ullmann St. Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht. Berlin, 1967, S. 166 ff.
18. Ханпира Эр. Окказиональные элементы в современной речи.— В кн.: Стилистические исследования (На материале современного русского языка). М., 1972, с. 305.
19. Ullmann St. Stylistics and semantics.— In: Literary style: A symposium. Ed. by Chatman S. London — New York, 1980.